

Зябликов Алексей Вячеславович

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета

КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНСКИЙ «ОЛИМП» ГЛАЗАМИ В.А. ДРУЦКОГО-СОКОЛИНСКОГО

Написанные в эмиграции мемуары князя В.А. Друцкого-Соколинского (1880–1943) – живое и яркое повествование о Костроме и Костромской губернии начала XX столетия. Мемуары В.А. Друцкого-Соколинского отличаются высокой степенью интеграции субъекта в описываемое культурное пространство, искренним уважением и доверием к нему.

Мемуары, Кострома, костромские губернаторы, чиновники, губернское присутствие, земская управа.

a.zyablikov@yandex.ru

156001, Кострома, Коллективная, 16-3. Т. 89106614760

Мемуарная литература – важный источник изучения истории и культуры Костромской земли. Особое место в этом ряду свидетельств занимают мемуары князя В.А. Друцкого-Соколинского, изданные тремя томами в Орле в 1994–2000 гг.: «Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914)», «На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918)», «Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920–1943)». Значительная их часть посвящена воспоминаниям о службе в Костроме.

Владимир Андреевич Друцкой-Соколинский родился в Петербурге 5 июля 1880 г. в семье чиновника военного министерства. В 1901 г. он окончил Императорское училище правоведения, получив чин титулярного советника, и начал службу чиновником в министерстве юстиции. В 1903–1905 гг. князь служил в переселенческом управлении под началом А.В. Кривошеина. В 1905 г. В.А. Друцкой-Соколинский получил назначение в Привислинский край на должность правителя канцелярии Петроковского губернатора. В мае 1907 г. В.А. Друцкой-Соколинский добился перевода в Кострому, где в должности советника губернского правления прослужил 6 лет.

Биографический и общественно-политический срез воспоминаний В.А. Друцкого-Соколинского представлен колоритной галереей людей, которые формировали костромскую управленческую колонну. Вот, например, портрет губернатора Алексея Порфирьевича Веретенникова: «Моложавый, худой, стройный и очень элегантный генерал... производит на меня самое симпатичное впечатление простотой обращения и лишь в лице, в одном опущенном и всегда кривящемся углу рта, есть какой-то отблеск, какой-то штрих чего-то затаенного, скрытого, неверного, почти фальшивого»¹. Мемуарист отмечает любопытную особенность общественных воззрений губернатора, вполне по-леонтьевски и по-розановски полагавшего, что, чем левее политические взгляды человека, тем менее устойчивы его моральные принципы и деловые качества и тем более склонен он к казнокрадству. В.А. Друцкой-Соколинский поначалу счел такое мнение излишне категоричным, но впоследствии признал его справедливость и в качестве непрямого члена губернского присутствия (назначен на эту должность в июле 1907 г.), он помогал генерал-майору сдерживать набиравшее

силу либерально-кадетское влияние в губернском и уездных земствах. В целом симпатизируя политическим воззрениям А.П. Веретенникова, и положительно оценивая качества губернатора как государственника и хозяйственника, В.А. Друцкой-Соколинский отмечал его резкость и безапелляционность в суждениях, что только осложняло диалог с оппонентами – городским головой Г.Н. Ботниковым, председателем губернской земской управы И.В. Шулепниковым, ее членами А.В. Перелешиним и Н.Е. Власовым, а также представителями уездных земств. Хозяйственные и общественные дебаты, шедшие на заседаниях губернского присутствия, высвечивали непримиримость характеров и сторон. Основная борьба развернулась между консервативным губернским присутствием и левокадетской губернской земской управой, что было выражением идущей в те годы в России схватки между «приказной» и «земской» идеями. Используя вполне законные рычаги, те есть, говоря современным языком, административный ресурс (выявление растрат и подлогов, уличение в антиправительственной риторике), консерваторы одержали временную победу. «Уголовные дела, – свидетельствует В.А. Друцкой-Соколинский, – сыпались, как с веяльной лопаты зерно...»². Последней каплей стало дело о строительстве Костромским уездным земством психиатрической лечебницы в селе Никольское, когда перерасход средств превысил 100 процентов и страховой капитал земств оказался обескровленным. Губернатор использовал организационные и финансовые просчеты в реализации этого проекта для того, чтобы нанести последний удар по ненавистным ему земцам-кадетам. Однако победа оказалась пирровой. Председатель губернской земской управы И.В. Шулепников благополучно пересел в кресло депутата Государственной думы. Репутация самого А.П. Веретенникова оказалась окончательно подмоченной: губернатор искоренял либеральную «заразу», не гнушаясь никакими методами. Издаваемая под его патронажем газета-листок «Рабочий», редактируемая талантливым, но нещепетильным журналистом Н.И. Еремченко, по части инсинуаций и грязных оскорблений могла бы составить конкуренцию одиозно-черносотенным изданиям типа «Русского знамени» или «Веча». Даже отнюдь не симпатизирующий либералам В.А. Друцкой-Соколинский характеризует тональность «Рабочего» как «абсолютно неприличную, недопустимую»³.

Несмотря на далеко не лестную характеристику некоторых качеств А.П. Веретенникова, В.А. Друцкой-Соколинский утверждал, что именно годы службы под началом неприветливого генерал-майора явились наиболее полезными для выработки профессиональных качеств законоведа и администратора. Именно тогда молодой чиновник, по его собственному признанию, «служебно сформировался, приучился разбираться в людях, различать намерения и расценивать местную общественную жизнь по ее действительному достоинству»⁴.

Сменивший в феврале 1910 г. А.П. Веретенникова на посту губернатора Петр Петрович Шиловский, по свидетельству мемуариста, являлся полной противоположностью своему предшественнику, ибо мало интересовался политикой и текущими делами. Куда больше П.П. Шиловский был увлечен

усовершенствованием изобретенной им монорельсовой железной дороги. По его распоряжению на первом этаже губернаторского дома были устроены механические мастерские, где слесари под присмотром самого П.П. Шиловского строили модели паровозов и вагонов, которые потом «благополучно... бегали по всему губернаторскому саду»⁵. При англмане П.П. Шиловском началась электрификация Костромы. Тогда же в городе появился и первый автомобиль. При П.П. Шиловском В.А. Друцкой-Соколинский поднялся еще на одну ступень в своей служебной карьере: в 1911 г. чиновнику был присвоен чин коллежского советника (VI класс табели о рангах).

Петр Петрович Стремоухов, назначенный костромским губернатором в конце 1912 г., предстает на страницах воспоминаний как опытный и дотошный организатор, как человек исключительного благородства. Впоследствии П.П. Стремоухов, уже в должности директора департамента общих дел, хлопотал о служебном продвижении могилевского вице-губернатора В.А. Друцкого-Соколинского и оказывал ему всяческое дружеское содействие.

Вице-губернатор Федор Александрович Бантыш запомнился мемуаристу как человек, сочетающий «победоносную мужественность» и джентльменство с сибаритством и полным отсутствием деловой сосредоточенности. Князь А.И. Оболенский, исполнявший обязанности вице-губернатора с января 1908 по август 1910 г., по свидетельству В.А. Друцкого-Соколинского, отличался «безмерной гордостью и чванливостью»⁶.

Хорошие отношения сложились у В.А. Друцкого-Соколинского с Иваном Владимировичем Хозиковым, занимавшим должность вице-губернатора в 1910–1915 г. И.В. Хозиков стал последним имперским костромским губернатором. С ним В.А. Друцкого-Соколинского судьба снова свела весной 1917 г. в Петербурге, где отстраненные от своих должностей главы регионов ожидали своей дальнейшей участи: и минский, и костромской губернаторы по увольнению их в отставку подлежали призыву на воинскую службу...

Городской голова Г.Н. Ботников назван слабохарактерным и вялым, а сменивший его на этом посту директор фабрики Третьяковых Владимир Алексеевич Шевалдышев (муж А.Н. Третьяковой) показался мемуаристу «отчаянным карьеристом»⁷, что, впрочем, не мешало Шевалдышеву энергично и деловито приводить в порядок городское хозяйство.

В.А. Друцкой-Соколинский дает живописные портреты некоторых уездных начальников. Вот председатель Чухломской земской управы Николай Макарович Перелешин, старик с уродливым лиловым лицом, начинающий трудовой день в шесть часов утра большим стаканом водки и при этом имеющий репутацию решительного, отзывчивого и неподкупно-честного человека. Вот председатель Макарьевской земской управы Сергей Рафаилович Михайлов, «человек буквально динамический», дамский угодник, азартный карточный игрок, остролов и смельчак, который, будучи отставным штабс-капитаном артиллерии, дело вел «по-военному, по барабану»⁸.

Выразительна фигура архиепископа Костромского и Галичского Тихона. Умный и властный владыка был, по свидетельству мемуариста, грубоват и совершенно «неотесан светски», зато его еженощные службы в

кафедральном Успенском соборе отличались «торжественностью, удивительным благолепием и большой молитвенною проникновенностью»⁹. Именно архиепископ Тихон разрешил сократить срок семилетней епитимьи, наложенной на В.А. Друцкого-Соколинского после развода с женой.

В Костроме князь познакомился с офицером П.П. Парским, который впоследствии стал генералом, командиром гренадерского корпуса. В октябре 1916 г. судьба снова свела В.А. Друцкого-Соколинского, в ту пору минского губернатора, с П.П. Парским. Они встретились недалеко от передового края, в штабе корпуса, и сразу окунулись в воспоминания о милой и мирной Костроме. Генерал так расчувствовался, что незаметно опустошил стоявшие на столе бутылки с вином. Впрочем, Кострома была здесь повинна менее всего. Ужас В.А. Друцкого-Соколинского вызвало то, что судьба многих тысяч солдат зависит от человека, которого даже война не заставила отказаться от пагубной привычки. Князь поспешил прервать общение со своим костромским знакомцем и ретироваться.

Некоторые типажи заставляют вспомнить бессмертные образы русской классической литературы. Сам мемуарист щадяще называет их «курьезными» и «антикварными». Таков экзекутор губернского правления Николай Дмитриевич Свободов, вечный и неутомимый труженик присутственных мест, имевший одну маленькую слабость: в воскресенье после обедни он приходил в пустое губернское правление, запирался на ключ в кабинете вице-губернатора и «севши в кресло за письменный стол, развалясь в самой непринужденной позе и заложив ногу за ногу, он воображал себя вице-губернатором, последовательно принимал якобы советников, непременных членов, губернского врачебного инспектора, себя самого, просителей и других...»¹⁰. Причем, делал он это столь громогласно, азартно и артистично, что, по свидетельству мемуариста, всегда находилось несколько охотников понаблюдать в замочную скважину за этим бюрократическим дивертисментом. Ну чем не гоголевский сюжет! А вот секретарь губернского правления по воинской повинности Василий Васильевич Алякритский, имевший талант и охоту затуманить даже самое простое и ясное дело: чиновник считал своим долгом переправлять исполнителям не копии министерских циркуляров, а свои интерпретации и переложения последних, доведенные этим профессиональным крючкотвором до полной смысловой непроницаемости. Разве не достоин Василий Васильевич называться персонажем М.Е. Салтыкова-Щедрина! Впрочем, если автор «Губернских очерков» указывает на типичность худших и ничтожнейших представителей чиновничества, то В.А. Друцкой-Соколинский подчеркивает, что Свободов и Алякритский всего лишь забавные реликты, пережитки прошлого. А вот описание произведенной князем «внезапной ревизии» Ветлужской городской управы. В.А. Друцкой-Соколинский прибыл в ревизуемое учреждение прямо с пристани, с чемоданом в руках, и сразу потребовал у городского головы Николая Ефимовича Шабарова, явившегося «в заметно нетрезвом виде», предъявить кассовую наличность. «Пошарив в карманах и заявив, что ключ от кассы забыт им дома, Шабаров, извинившись, отправился домой за ключом. С этого момента я его больше не видел и вновь встретился с ним спустя три года в

Костроме, в заседании судебной палаты, где он вместе с остальными велужскими заправилами занимал скамью подсудимых»¹¹. Понятно, что В.А. Друцкой-Соколинский не претендовал на лавры Тэффи или Аркадия Аверченко, но заставить читателя смеяться было мемуаристу вполне по силам.

Конечно, способы художественной отделки портретов костромских чиновников указывают на связь с традициями русского реалистического искусства. В.А. Друцкой-Соколинский признается, что тощий экзекутор Свободов с его очками на кончике носа и рыженькой бородкой «буквально просился на полотно Маковскому», а вице-губернатор Бантыш словно сошел со страниц тургеневского рассказа «Первая любовь».

Летом 1908 г. В.А. Друцкой-Соколинский получил предложение занять пост якутского вице-губернатора, однако, размыслив, отказался от этих интересных карьерных перспектив. Мотивом такого решения стало нежелание отрываться от «жизни среднерусских губерний» и от земского дела, которое князь полюбил всем сердцем. Размышления мемуариста о проблемах земской России помогают понять причины того социального и политического недуга, который впоследствии привел страну к катастрофе 1917 г. Объехавший всю Костромскую губернию непреременный член губернского по земским делам присутствия коллежский советник В.А. Друцкой-Соколинский свидетельствует, сколь остро стояла в уездных земствах проблема поиска толковых, хозяйственных руководителей. Бичом провинциальной России был всеобщий абсентеизм, нежелание землевладельцев, лесопромышленников и других рачительных хозяев заниматься общественной работой. Отсутствие конкуренции приводило к тому, что в уездных земствах бразды правления нередко захватывали не хозяйственники, а политические фразеры и годами, а то и десятилетиями единолично распоряжались уездными делами. Так, в Ветлуге безраздельно правил народный социалист Б.Л. Петерсон, потому и весь уезд имел репутацию «ярко-красного». Юрьеvecкий и Костромской уезды считались либерально-кадетскими, а Чухломской (Н.М. Перелешин) и Галичский (Г.Н. Ратьков), напротив, – крайне правыми. Показательно, что образцовым были уезды, где председатель и гласные земских управ не имели выраженных партийных симпатий, а значит, тратили свой темперамент не на политические дразги, а на хозяйственные заботы. В.А. Друцкой-Соколинский приводит в пример Кологривский уезд, где земскую управу возглавлял лесопромышленник Н.И. Лебединский, считавший каждую копейку и лично вникавший в каждую мелочь. В.А. Друцкой-Соколинский неоднократно – и не без гордости! – признавался, что именно служба в Костромской губернии сделала его настоящим знатоком земского дела и позволила в дальнейшем, уже на вице-губернаторском и губернаторском постах, находить оптимальные варианты решения сложных проблем. Тщанием неутомимого костромского чиновника были доведены до суда многие дела, которые сегодня непременно окрестили бы «коррупционными».

Мемуарист в своих оценках предстает и злорадным, и кокетливым. Иногда он явно недоговаривает какие-то важные детали. Иногда, наоборот,

муссирует несущественные мелочи. Впрочем, всё это окупается отсутствием притворства и лукавства.

Кострома сыграла важную роль в жизни В.А. Друцкого-Соколинского. Именно здесь он, по его собственному признанию, сформировался как специалист, политик и государственный деятель. Именно с Костромой, по преимуществу, связаны воспоминания и представления князя о «канонической» дореволюционной России – боголюбивой, гостеприимной, зажиточной, веротерпимой, мирной (могилевские и минские впечатления были омрачены военными событиями). В своих мемуарах о северной русской провинции бывший костромской чиновник не позволил себе ни одной пренебрежительной или высокомерной ноты. Костромская земля многое дала В.А. Друцкому-Соколинскому и многое приобрела взамен. В его лице губерния получила грамотного, честного, неравнодушного, деятельного управленца, объездившего (по земле и по воде) Костромскую землю вдоль и поперек. В.А. Друцкой-Соколинский избирался действительным членом Губернской ученой архивной комиссии, он был товарищем председателя Костромского окружного правления Императорского Российского общества спасания на водах, членом Костромского управления общества Красного Креста и общества охраны от пожарного бедствия. В течение нескольких лет князь исполнял должность секретаря Губернского статистического комитета, в функции которого входили собирание и обработка материалов, касающихся различных сторон губернской жизни – от демографии и образования до фабрично-заводского хозяйства и состояния всходов озимых хлебов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Друцкой-Соколинский В.А. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914). – Орел: Вариант В, 1996. – С. 220.
2. Там же. – С. 241.
3. Там же. – С. 242.
4. Там же. – С. 243.
5. Там же. – С. 248.
6. Там же. – С. 276.
7. Там же. – С. 259.
8. Там же. – С. 257.
9. Там же. – С. 265.
10. Там же. – С. 224.
11. Друцкой-Соколинский В.А. Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920–1943). – Орел: Частный издатель Александр Воробьев, 2000. – С. 50–51.